

PK

K-151

Молодик, на 1844
украинский литера-
турный сборник
изд. И. Бецким

СПБ. 1844 В. II

170038

PK-2

1700038

МОДЮ ДІКА

1844

PR-2
PK R-151
170038

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

Ж 911

LIBRARY OF THE
RUSSIAN EMPEROR

К 151

МОЛОДИКЪ.

ЦЕНТРАЛНА НАУЧОВА
БИБЛИОТЕКА

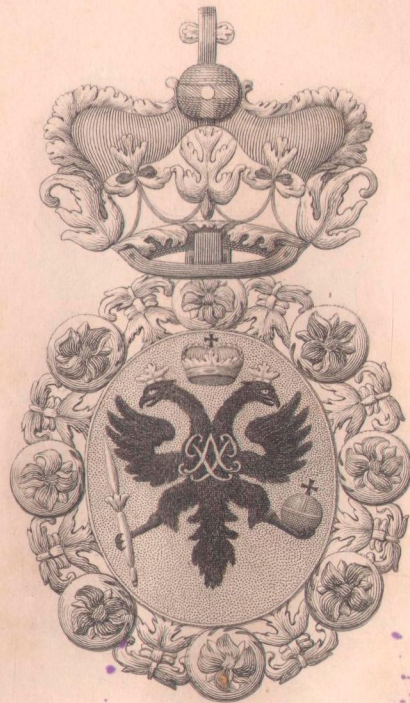
X 121

MONOTON

LIBRARY
MONTREAL

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

Портретъ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА 1го,

подскаленный
Тимовою Васильевичу
НА ДАРЖИНСКОМУ.

к 157

МОЛОДИКЪ,

НА 1844 ГОДЪ,

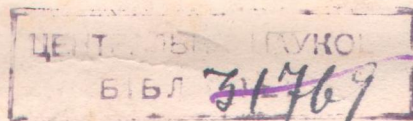
УКРАИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. Бецкимъ.

Въ пользу Харьковскаго Дѣтскаго пріюта.

В. П.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1002/24

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1844.

59

02

11.12

МОЮДОПР.

СРОК 2220 ДИ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ

ПЕЧАТАТЬ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ, С. Петербургъ, 22 марта 1844.

Ценсоръ П. Корсаковъ.
Ценсоръ А. Очкинъ.
Ценсоръ А. Фрейманъ.

Вопросъ о томъ, что такое

11-9

11/10/1844

САННІТІВЕРЫЛ

ВЪ ПЕЧАТѢ И ВЪ СВОБОДѢ

1844

11/10/1844

11

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ИЗДАНИЕ СЪОБЩАЮЩЕЕ

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

Лит. Поля.

И да давно уже бива по дорож
въ Римъ.

Томъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Г. К.

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я бывало воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы,
И ею сладостно дышалъ....
Но васъ я вижу, вамъ внимаю.....
И что же? слабый человѣкъ! —
Свободу потерявъ на вѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

А. Пушкинъ.

КЪ КАВКАЗУ.

==

Тебѣ Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный,
Какъ сына ты его благослови
И оступи вершиной бѣлоспѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прковапы судьбою неизбѣжной,
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой —
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

—

Еще ребенкомъ робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увѣты туманными чалмами
Какъ головы поклонниковъ Алла.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы,
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушной.

—

Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ.
Какъ нѣкогда ребенку твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ,
Опъ прошлъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружной зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь въ полуночномъ краю
Все о тебѣ мечтаю и пою.

М. Лермонтовъ.

—

КЪ БУХАРОВУ.

=

Мы ждемъ тебя, спѣши, Бухаровъ ,
Брось царско-сельскихъ соловьевъ ,
Въ кругу товарищей гусаровъ
Обычной кубокъ твой готовъ.

—

Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой слухъ пріятнѣй соловья ,
Намъ милъ и усъ твой серебристый
И трубка плоская твоя.

—

Намъ дорога твоя отвага,
Огнемъ душа твоя полна ,
Какъ вновь раскупренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.

—

Столѣтня прошлаго обломокъ
Межъ насъ остался ты одинъ ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ ,
Пировъ и битвы гражданскихъ.

М. Лермонтовъ.

—

* * *

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный
Вамъ строки чудныя писалъ,
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ, но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи
Его встревожили слышйи.
Тогда признательную руку
Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
На встрѣчу радостному звуку
Онъ въ упоеніи простеръ.

И я, повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить какъ тайной
Печальнымъ выраженьемъ ихъ.
Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли,
Все что вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди.
Но да сойdetъ благословенье
На вашу жизнь, за то что вы
Хоть на единое мгновенье
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы.

М. Лермонтовъ.

КНЯЗЮ
ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ
БАРЯТИНСКОМУ.

(При отъездѣ его на Кавказъ.)

=

Насталъ печальный часъ разлуки!
Прощальный кубокъ сей прими
И молча дружескія руки,
Рукою дружеской сожми.

А теперь вина!

Наливай полиѣй,

Выпивай дружиѣй,

Выпивай до дна!

Въ краю далекомъ, гдѣ такъ грозно
Кипитъ неугасимый бой,
Съ друзьями ты не будешь розно
Покуда кубокъ нашъ съ тобой.

Кубокъ ты налешь

Помянувъ друзей,

И виномъ скорѣй

Тяжкій вздохъ запьешь!

И тамъ гдѣ скрытый врагъ и ливный
Свою добычу сторожить,
Да будетъ кубокъ сей задравный
Хранитель твой и вѣрный щитъ.

Дайте же вина!

Жаждой пышетъ грудь,

На счастливый путь

Выпьемъ всѣ до дна!

Пуškai стрѣла или пуля свиснетъ —
Тебя отъ пуль и вражнихъ стрѣлъ
Живымъ виномъ нашъ кубокъ вспышетъ
И будешь невредимъ и цѣлъ!

А теперь вина!
Наливай полнѣй,
Выпивай дружнѣй,
Выпивай до дна!

Князь П. Вяземскій.

20 марта 1842 года.

ТУЧА.

Темна и громадна, грозна и могуча —
По небу несется широкая туча.
Взгляните: какъ вѣтеръ ей кудри клубить,
Ей перся мелѣть, — и, полный успяя,
Принявъ ея тяжесть на мягкія крылья,
Ее по пространству воздушному мчить!
Ничто не смущаетъ высокаго хода:
Кругомъ—безпредѣльный просторъ и свобода;
Картина вселенной предъ нею полна;
Предъ нею открыты эфирныя бездны,
И рать херувимовъ, и полчища звѣзды,
И что же?—Взгляните на тучу: черна!
Сурова! угрюма!—съ нахмуреннымъ ликомъ,
На міръ она смотритъ въ молчаніи дикомъ,
И душно, и грустно ей въ небѣ родномъ,
И видъ ея гнѣвный исполненъ угрозы;
Въ свинцовыхъ глазахъ ея замкнуты слёзы;
Межъ ребрами пламя, подъ мышцами громъ.
Страдальца-поэта удѣлъ ей назначенъ:
Высокъ ея путь, и свободенъ, и мраченъ;
До срочнаго мига все тихо кругомъ....
Но вотъ—встрепенулись дозрѣвшія силы,
Браздами просѣклись огнистыя жилы

И въ крупныхъ аккордахъ разсыпался громъ.
И послѣ минувшей, утихнувшей бури
Живѣе сіянье бездонной лазури,
Свѣжѣе дубравы зеленая сѣнь,
Душистѣй дыханье и розъ и ясминновъ,
И радугу гордо съ плеча перекинувъ,
Нагнулся на западъ ликующій день.
А туча—изринувъ и громы и пламя,
Уходитъ въ лоскутьяхъ, какъ ветхое знамя,
Какъ эти святые хоругви войны,
Избитыя въ схваткѣ послѣдняго боя,
Какъ жалкое рубище мужа-героя,
Изгнанника свѣтлой, родной стороны.
И вотъ, остальнымъ разрѣшаясь ударомъ,
Подъѣмается туча рѣдѣющимъ паромъ,—
Прозрачна, чуть зрима для слабыхъ очей,
И къ небу прильнувъ золотистымъ туманомъ,
Она исчезаетъ въ отливѣ багряномъ
При матовомъ свѣтѣ закатныхъ лучей.

В. Бенедиктовъ.

БРАКЪ ГРУЗИИ СЪ РУССКИМЪ ЦАРСТВОМЪ.

Дѣва черноглазая! дѣва черпобровая!
Грузія, дочь и зари и огня.
Страсть и нѣга томная, прелесть вѣчно новая
Дышать въ тебѣ, сожигая меня,

Не томить тебя кручина
Прежнихъ пасмурныхъ годовъ!
Много было жениховъ,
Ты избрала Исполна!

Вотъ онъ идетъ: по могучимъ плечамъ
Пышно бѣгутъ свѣтлорусыя волны;
Взоры подобны небеснымъ звѣздамъ,
Весь онъ и жизни, и крѣпости полный,
Гордо идетъ безъ щита и меча;

Только съ лѣваго плеча
Зыбясь падаетъ порфира;
Свѣжъ онъ какъ снѣгъ, грудь что степь широка

И желѣзная рука
Твердо правитъ осью міра.

Вышла невѣста на встрѣчу: любовь
Зноемъ полудня зажгла ее кровь,

И откинувъ покрывало
Отъ стыдливаго чела,
Вдалъ все глядѣла, всѣмъ звукамъ внимала,
Тамъ подъ Казбекомъ въ ущельи Дарьяла
Жениха она ждала.

Въ сладостномъ восторгѣ съ нимъ повстрѣчалась

И перстнями помѣнялась,
Въ пѣнѣ Терека къ нему
Бросилась бурно въ объятья, припала
Нѣжно на грудь жениху своему,
Приняла душу и вся просіяла.

Прошлыхъ вѣковъ не тревожся печалью,
Вѣчно къ Россіи любовью горн,
Слитая съ нею какъ съ бравною сталью,
Пурпуръ зарн.

А. О.

ОТПЛЫВАЮЩИЙ ПАРОХОДЪ.

=

Къ дальнему берегу древней мудрой Германіи,—моремъ
Славнымъ войной и торговлей въ исторіи міра, и страшнымъ
Повѣстью бурь знаменитыхъ въ преданьяхъ старинныхъ и
новыхъ,—

Завтра прядая по волнамъ спокойнымъ, безъ помощи вѣтра,
Собственной тайною силой кппя и стремясь пойдешь ты,
Стройная диво-громада, вымыслъ и честь предъ вѣками
Нашего вѣка!... Пойдешь ты, мѣрно и быстро шагая
Шагомъ гиганта,—не зная препоны ни усталы, развѣ
Въ нѣдрахъ твоихъ невидимо вспыхнетъ врагъ лютый—пожаръ,
И междоусобною бранью огонь на огонь устремится....
Но Боже спаси и помилуй отъ бѣдствія рѣдкаго путь твой!!....
Ахъ! безъ того, отплывая, ты много сердецъ возволнуешь
Грустной, тревожной заботой!... отъ невскихъ береговъ горде-
ливыхъ

Много умчишь ты скитальцевъ—и много разлучишь любящихъ
Копишь во вѣки, быть можетъ, не свидѣться вновь на землѣ!...
Кто за здоровьемъ отправленъ,—кто по дѣламъ увлеченъ;
Всѣ они завтра толпою на палубу ступать, прощаясь
Съ сѣверной нашей столицей,—но всѣ ли вернутся опять?....

Гр. Евд. Растопчина.

Петербургъ, 3-го мая 1842.

СЪ ЖЕЛѢЗНОЙ ПАЛКОЮ

ОАДЕЙ.

(Олонецкое преданіе.)

=

Во времена Царя — Петра,
Жилъ дивный мужъ въ Корелѣ дикой —
Оадей, рабъ Божій, другъ добра,
Мужъ святъ и труженникъ великой.
Врагъ золота и серебра,
Кой-какъ маячась на день со дня,
Безъ думъ, безъ завтра, безъ вчера,
Онъ зналъ одно свое сегодня...
Старикъ вездѣ, старикъ нигдѣ,
Являлся въ церкви и въ судѣ:
Тамъ — образецъ молитвъ усердныхъ,
А тамъ — дѣлецъ, истецъ за бѣдныхъ;
При всякомъ горе, при бѣдѣ —
Всё онъ!... Кипѣла-ль ссора съ свалкой,
Оадей былъ тамъ — какъ въ руку сонъ —
Грома бойцовъ желѣзной палкой:
Всегда ходилъ съ той палкой онъ!...
Съ своей утиной перевалкой,
На свадьбу часто съ похоронъ,
Бѣжалъ онъ въ колпакѣ двурогомъ....
Юродъ — въ отрепѣи убогомъ, —
Съ дѣтми онъ жилъ, съ дѣтми игралъ,
Верхомъ на палочкахъ ѣзжалъ;
Но громовой перунъ блисталъ
Во взорѣ остромъ, взорѣ строгомъ,
Когда, въ грѣхѣ, онъ обличалъ
Безчинниковъ закоренѣлыхъ.
Огонь — въ своихъ порывахъ смѣлыхъ —
Стоялъ онъ смѣло за людей
И часто, часто злыхъ судей,

Или приказныхъ закоспѣлыхъ,
Крестилъ разгнѣванный Ѡадей,
Желѣзной палкою своей!.....

Федоръ Глинка.

ПРОДАННЫЙ ДОМЪ.

ЭЛЕГІЯ.

=

Въ тѣ дни, когда добро и знанья
Цѣнились выше серебра,
Здѣсь было мѣсто воспитанья,
Былъ домъ науки и добра;
И всѣ мы — сверстники молодые —
Мы спѣли къ будущему тамъ,
И эти стѣны, намъ святыя,
Второй отчизной были намъ!

—

Отсюда вышли поколѣнья:
Отцы и дѣти! — Всѣ мы въ немъ
Млекою питались просвѣщенья
И твердымъ истины плодомъ;
Отсюда — чистый отъ навѣтовъ
Цвѣтъ лучшій родины сыновъ,
Жуковский — красота поэтовъ.
И твердый правдою Дашковъ!

—

Тутъ былъ нашъ праздникъ испытанья,
Последній шагъ ко входу въ міръ,
Гдѣ въ благородномъ состязаньи
Звенѣли струны юныхъ лиръ;

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Инв. № _____

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА
21/7/69

Пиръ общій чести и науки,
Отцовъ, наставниковъ, дѣтей,
Гдѣ всѣ, подавъ другъ другу руки,
Родились радостью своей!

Вотъ зала та, гдѣ съ стѣнъ заветныхъ
Взирали лики прежнихъ лѣтъ,
Въ чьихъ взорахъ, важныхъ и привѣтныхъ,
Читали мы добра заветъ;
Шуваловъ — памятію вѣчный,
Херасковъ — кинутый давно,
И *Муравьевъ* чистосердечный,
И добрый мужъ *Мелисино*!

Вотъ здѣсь былъ храмъ подъ круглымъ сводомъ,
Гдѣ предстоящій алтарямъ
Предъ юнымъ, зрѣющимъ народомъ
Взносилъ обѣты къ небесамъ!
Изъ чистыхъ душъ любви моленье
Всходило сквозь кадильницъ мглу,
И тихій хоръ въ согласномъ пѣньѣ
Изъ юныхъ устъ свершалъ хвалу!

А здѣсь, гдѣ дворъ широкій, чистый
Былъ міра дѣтскаго предѣлъ,
Тамъ мелкій рой нашъ голосистый
Игралъ, и бѣгалъ и шумѣлъ!
А здѣсь былъ садъ, гдѣ старшихъ братій
Въ тѣни сбирался тихій кругъ,
И другу мыслей плодъ занятій
Дѣлилъ въ довѣрчивости другъ!

И живъ, и свѣжъ подъ сѣдинами
Еще тотъ старецъ, тотъ мудрецъ,
Который опыта лучами
Свѣтилъ намъ въ глубь молодыхъ сердецъ,
Чья въ путь отчины благородный
Благословляла насъ рука!...
Его не помнить міръ холодный ;
А домъ тотъ — проданъ съ молотка!

—

.
.
.
.

Мих. Дмитріевъ.

20—21 сентября 1843.

НА КОНЧИНУ А. Т. К-ВОЙ.

11-го декабря 1842 года.

Она угасла — отстрадала,
Страданье было ей вѣнцомъ;
Она мучительнымъ концомъ
Достигла свѣтлаго начала.

Грустна сей брешней жизни глушь;
Въ ней счастья нѣтъ для ясныхъ душъ:
Ихъ мучить тяжело и жестоко
Невольный взглядъ на море зла,
На видъ ликующій порока
И свѣта скучныя дѣла, —
И гордо отвергая розы
И жизни праздничный сосудъ,
Онѣ на часть себѣ берутъ
Святыя тернія и слезы.
Отрада ихъ въ житейской мглѣ
Одна — сочувствовать глубоко
Всему, что чисто и высоко,
Что свѣтитъ Богомъ на землѣ.
Удѣлъ ихъ высшихъ наслажденій
Не въ блескѣ злата и серебра,
Но посреди благотвореній,
Въ священныхъ подвигахъ добра !

Такъ перейдя сей дольней жизни
Добромъ запечатлѣнный путь,
Она взлетѣла — отдохнуть
Въ своей божественной отчизнѣ.
Тяжелый опытъ превозмочь
Судьба при жизни ей судила:
Она давно невѣсту-дочь
Въ тотъ міръ нетлѣнный отпустила.

И переждавъ разлуки срокъ,
Спѣша къ родимой на свиданье,
Она другую на прощанье
Землѣ оставила въ залогъ,
Чтобъ тамъ и здѣсь свой образъ видѣть,
И утѣшая ликъ небесъ,
Земли печальной не обидѣть,
Гдѣ свѣтлый бытъ ея исчезъ !

В. Б.

ПОЭТЪ ВЪ СЕБѢ.

Зубъ шатается ужъ больно
И сѣдѣть усь !
Въ битвахъ жизни я невольно
Становлюся трусь...

Я шутилъ, бывало, свалкой,
Первый лѣзъ на споръ !
А теперь, подпершись палкой,
Тихъ... и въ землю взоръ...

Видно есть такіа лѣта, —
Жизни угомонъ, —
Что летучесть и поэта
Обращаютъ въ сонъ!...

Но и въ снахъ онъ видитъ дивы
И — мечтой счастливъ —
Онъ — устами молчаливый,
Сердцемъ говорливъ !

Федоръ Глинка.

РУССКАЯ ДУМКА.

=

То не взмахомъ крылъ надъ проточной
Лебедь бѣлая отряхается;
Не черемушки гибкой маковкой
Перелетный вѣтръ потѣшается;
То не парусы струга легкаго
На сѣдыхъ волнахъ колыхаются;

А въ цвѣтистомъ саду
На пахучемъ лугу,
Красны дѣвушки
На качелюшкахъ
Потѣшаются.
Кудри шелковы
Съ бѣлоспѣжныхъ плечъ
Развѣваются.
Тканн тонкія
Бѣлымъ парусомъ
Привздымаются.
Чуть прозрачный кровъ
Съ персей пышущихъ
Порывается.
Взоры ясные
Яркой молніей
Блещутъ радостно.
Надъ качелями
Быстрометными
Хохотъ слышится.

И примеркля
Очи старыя,
Рѣзвой младостью
Проясплпся.

Ахъ! зачѣмъ же вы, быструметныя,
Точно крылушки поднебесныхъ птицъ
Подстрѣленные, опустилися!
Какъ черемушки вѣтви гибкія
Пролпвнымъ дождемъ приклонилися!
Будто парусы струга легкаго
Межъ сѣдыхъ валовъ въ воду канули!

Ахъ! въ цвѣтистомъ саду,
На пахучемъ лугу,
Красны дѣвушки
На качелюшкахъ
Не качаются!
Кудри шелковы
Съ бѣлоснѣжныхъ плечъ
Не свѣваются!
Ткани тонкія
Бѣлымъ парусомъ
Не вздымаются!
Чуть прозрачный кровъ
Съ персей пышущихъ
Не срывается!
Взоры свѣтлые
Яркой молніей
Не блестятъ въ очахъ!
Пташки райскія
Разлетѣлися,
Красны дѣвушки
Разбѣжались!

Мнѣ на старости,
Неключимому,
Не осталось чѣмъ
Вспомнить молодость.

Ахъ! куда же вы подѣвались
Милостивныя, ненаглядныя?
Ужъ не слышны мнѣ ваши говоры,
Не живутъ меня ваши хохоты.

Вотъ одна изъ васъ, что ни милая,
На качели вся, будто нехотя,
Опустилася съ края летнаго.

Не палитъ она
Краснымъ солнышкомъ,
А блещитъ, душа,
Блѣднымъ мѣсяцомъ.
Ножки быстрыя
На доскѣ лежатъ,
Будто вѣточки
Подкошенные.
Ручки пѣжныя
Захватились
За качельныя
Двѣ веревочки;
А головушка
Точно маковъ цвѣтъ,
Отъ жаровъ большихъ
Опускаясь,
Тѣнь набросила
На высоку грудь,
Лебединую.

Отъ чего же ты
Пригорюнилась?
Кто, сердечная,
Пригрустилъ меня?

Князь А. А. Шаховскій.

* * *

По лону ясному залива голубаго
Мы тихо плыли съ ней вдаль берега крутаго.
Быль вечеръ ужъ давно, лѣнливое весло
Едва струило водъ зыбучее стекло,
По влагѣ проводя полоску золотую.
И любовался я на дѣву молодую:
Она, задумчиво склонясь на край ладьи,
Ловила легкія, прозрачныя струи
И руку бѣлую въ кристаллѣ ихъ погружала;
А полная луна снопъ огненный бросала
На зеркальный заливъ, и въ лонѣ чистыхъ водъ,
Казалось, потонулъ небесъ лазурный сводъ,
Дрожали звѣзды въ немъ, и ярко между ними
Мелькалъ прекрасный ликъ съ кудрями золотыми.

Н. Грековъ.

ВСТРѢЧА.

Я съ дѣтства не видался съ вами:
Объ васъ надолго я забылъ,
Увлёкся новыми мечтами,
Былое въ сердцѣ заглушилъ....
Благодаря случайной встрѣчѣ,
Я средь толпы увидѣлъ васъ,
Я слышалъ звуки вашей рѣчи, —
И жажду слышать ихъ не разъ.
Моя душа печали тайной
Была исполнена тогда.
Себя и васъ, какъ-бы случайно,

И наши дѣтскіе годѣ

Я вспомнилъ....

Какъ вы измѣнились,

Какъ стали чудно хороши!...

Въ васъ чувства новыя родились...

И рѣчи полныя души....

Но—вы простите мнѣ—желалъ я

Малюткой прежней видѣть васъ,

Когда дитѣй, какъ вы, игралъ я,

Когда все радовало насъ;

Какъ мы веселыми очами

На всё взирали, всё любя,

Когда надеждой и мечтами

Не отравляли мы себя!...

За эти думы и волненья

Я долженъ васъ благодарить: —

Вы дали мнѣ хоть на мгновенье

Душою дѣтскою пожить....

ПОТОКЪ,

=

Все земное увлекаетъ

Быстрый времени потокъ,

Все плыветъ и проплываетъ —

Дира, скипетръ и вѣнокъ!

И плывутъ по немъ обломки

И боговъ и алтарей,

И за предками потомки

Проплывутъ потокомъ дней!

И плывутъ незнанья полныя

И откуда и куда!

За волнами плутъ волны,
Мимо плутъ берега!
Взоръ чаруетъ переменна,
Зыбь укачиваетъ ихъ,
И во снѣ за сценой сцена,
Радость, горестъ, все на мигъ!
Лишь мудрецъ неколебимо
На берегу одинъ сидитъ;
Видитъ все, что мчится мимо,
Помнитъ, мыслитъ и молчитъ!
Знаетъ онъ одинъ отколъ,
Знаетъ онъ одинъ куда!
Чуждъ онъ ихъ веселой волѣ;
Мудрость тоже имъ чужда!
Вотъ онъ слышитъ лиры звуки,
По волнамъ плыветъ пѣвецъ,
И простеръ къ нему онъ руки
И взываетъ, какъ отецъ:
«Выдь, мой сынъ! оставь ихъ племя!
Пусть ихъ мчатся по волнамъ!
И пойдемъ мы, сбросивъ бремя,
Къ тихимъ вѣчности брегамъ!»

Мих. Дмитриевъ.

ЭПИТАФІЯ

МИЛОМУ ЮНОШѢ,

П. А. ДАШКОВУ.

Любимецъ ближнихъ и друзей —
Съ собой для всѣхъ носившій радость,
Прекрасный—какъ мечта, пріятный—какъ младость!
Ты звукомъ ангельскимъ пронесся надъ землей:

Но звука милого плѣнительная сладость —
Теряясь въ дальнихъ небесахъ, —
Все отзывается, по памяти, въ сердцахъ....

П. Корсаковъ.

ИЗЪ В. ГЮГО.

Надежда каждая—цвѣтокъ, мой ангелъ нѣжный!
Самъ Богъ, дитя мое, всѣ наши дни хранитъ,
Онъ самъ ихъ держитъ нить и нить ихъ неизбежно
Здѣсь обрывается и радость въ прахъ летитъ.
Увы! таковъ законъ, что съ колыбелью смѣжно
Всегда здѣсь гробъ стоитъ.
Бывало, милый другъ, въ пылу очарованья,
Мнѣ даль грядущаго являла тму чудесь:
Вездѣ мнѣ милъ цвѣтокъ въ тѣни благоуханья,
Вездѣ въ лучахъ горѣлъ лазурный сводъ небесъ.
Но призракъ этого безумнаго мечтанья
Давно, давно исчезъ.
О, если кто-нибудь съ тоской въ душѣ сокрытой,
Придетъ у ногъ твоихъ съ слезами отдохнуть,
Не спрашивай его о чемъ онъ пролѣты,
Пусть плачетъ онъ: отъ слезъ свободнѣй дышетъ грудь,—
За тѣмъ, что каждая слеза съ души убитой
Смываетъ что-нибудь.

Н. Грековъ.

ПРОБУДНАЯ ПѢСНЬ.

=

Проснись, пробудись, человѣкъ !
Посмотри на летящіе сроки,
На великіе людямъ уроки,
На растущіе, въ людяхъ, пороки,
На загадочный, чудный сей вѣкъ :
Проснись, пробудись, человѣкъ!

—

Посмотри на себя, на народы ,
На событіями полные годы ,
И на чинъ потрясенной природы ;
На разгулы разнузданныхъ рѣкъ ;
На сгарающій, тающій вѣкъ :
Проснись, пробудись, человѣкъ!..

—

Но ты заснулъ... Но ты кружимый ,
Какимъ-то моремъ суеты,
Какимъ-то призракомъ манящимъ
Всё ловишь сны и сновъ мечты ;
А пробужденье не далеко :
Уже суды наведены
И смотритъ, смотритъ, съ вышины ,
Молнье-метательное око....
Отъ треска горъ, отъ шума рѣкъ,
Проснись, пробудись человѣкъ !

Федоръ Глинка.

—

ДАНТЪ.

ИЗЪ АВГУСТА БАРБЬЕ.

О, старый Гиббелниъ! когда передо мной,
Случайно вижу я холодный образъ твой,
Ваятеля рукой изсѣченный искусно :
Какъ на сердцѣ моемъ и сладостно и грустно....
Поэтъ ! — Въ твоихъ чертахъ замѣтенъ явный слѣдъ
Святаго генія и многолѣтнихъ бѣдъ !....
Подъ узкой шапочкой, скрывающей сѣдины —
Не горе-ль провело на лбу твоёмъ морщины ?
Скажи, не отъ того-ль ты губы крѣпко сжалъ —
Что гражданъ бичевать проклятьемъ ты усталъ ?
А эта горькая въ устахъ твоихъ усмѣшка
Не надъ людьми-ли, Дантъ ? Презрѣнье и насмѣшка
Тебѣ пдутъ къ лицу. Ты родился, пѣвецъ,
Въ странѣ несчастливой. Терновый свой вѣнецъ
Еще на утрѣ дней, въ началѣ славной жизни,
На долю принялъ ты изъ рукъ своей отчизны.
Ты видѣлъ, какъ и мы, на отческихъ поляхъ
Людей погрянувшихъ въ кровавыхъ мятежахъ ;
Ты былъ свидѣтелемъ, какъ гибнули семейства
Игралищемъ судьбы и жертвами злодѣйства ;
Ты съ ужасомъ взиралъ, какъ честный гражданинъ
На плахѣ погибалъ. Печальный рядъ картинъ,
Въ теченіи многихъ лѣтъ, вился передъ тобою.
Ты слышалъ, какъ народъ, увлекшись мечтою,
Кидалъ на вѣтеръ всё, что въ насъ святаго есть —
Любовь къ отечеству, свободу, вѣру, честь. —
О, Дантъ, кто жизнь твою умѣлъ прочесть какъ повѣсть,
Тотъ можетъ понимать твою святую горестъ,
Тотъ можетъ разгадать и видѣть — отъ чего
Лице твое, пѣвецъ, безцвѣтно и мертво,
Зачѣмъ глаза твои исполнены презрѣньемъ ?
За чѣмъ твои стихи, блистая вдохновеньемъ,

Богатые умомъ и чувствомъ и мечтой,
Таятъ во глубинѣ какой-то ядъ живой ?
Художникъ ! ты писалъ исторію отчизны ;
Ты людямъ выставялъ картину буйной жизни ,
Съ такою сплюю и вѣрностью такой,
Что дѣти, встрѣтившись на улицѣ съ тобой ,
Не смѣя на тебя поднять , бывало, взгляда ,
Шептали : — это Дантъ, вернувшійся изъ ада !....

С. А.

16 сентября.

А. Ф. Д.

=

Какъ рабъ зарывшій свой талантъ,
Скрываешь ты свой даръ чудесный,
Ты чувствомъ, мыслями богатъ,
Тебѣ знакомъ языкъ небесный.
Для друга разщедрись, скупецъ,
Прими мой вызовъ благородный,
Открой таинственный ларецъ,
Гдѣ скрытъ талантъ твой самородный.
Взгляни: не одного тебя
Лучъ солнца грѣетъ во вселенной
И ты рожденъ не для себя :
Ты жрецъ искусства вдохновенный.
О помни прикту, другъ-поэтъ !
Не будь рабомъ презрѣнной лѣни
И чуднымъ блескомъ вдохновенья
Ты освѣти печальный свѣтъ.

Н. Третьяковъ.

ЦЫГАНКЪ.

=

I.

Утомленъ давно я скукой праздной,
Просить жизни духъ тревожный мой, —
И въ степи сухой, однообразной
Полюбилъ я таборъ кочевой.

II.

Я люблю подъ сѣрою палаткой
Разговоръ лѣнивый и прямой;
На травѣ до утра снится сладко, —
Тихо блещутъ звѣзды надо мной.

III.

Ночь. Костры пымаютъ прихотливо;
Освѣтились рѣзкія черты —
Предо мной такъ долго молчаливо,
Для чего остановилась ты?...

IV.

Не гляди мнѣ въ очи такъ лукаво....
Знаю все о чемъ гадаешь ты....
Нестерпимъ твой взоръ, цыганка, право,
Будить онъ все старыя мечты!...

V.

Нѣтъ, молчи; пророчества пустаго
Мнѣ смѣшонъ ребяческій языкъ —
Для меня грядущее не ново!
Ужъ давно я вѣровать отвыкъ....

VI.

О быломъ рассказывать напрасно, —
Этотъ вздоръ меня не веселитъ....
Много бурь и много дней прекрасныхъ
Глубоко и вѣчно въ сердцѣ спитъ....

VII.

И страстей былыхъ рѣчамъ мятежнымъ
Я внимаю молча; — такъ, порой,
Внемлетъ мать ребенка ласкамъ нѣжнымъ
И Богъ вѣсть о чемъ скорбитъ душой....

А. Пальмъ.

1844.

ЦВѢТОКЪ.

Въ зеленой дубравѣ, въ глуши, подъ травою,
На утрѣ явился цвѣтокъ;
Но къ вечеру былъ онъ приотптанъ грозою,
А къ новому утру поблѣкъ.
И жилъ онъ, и цвѣлъ онъ, и умеръ украдкой,
Никто на него не взглянулъ —
Скажите, зачѣмъ-же дышалъ онъ такъ сладко,
Зачѣмъ онъ въ глуши промелькнулъ?

С. Дуровъ.

НАПУТНОЕ ЖЕЛАНИЕ.

Ты еще молодъ, — а, знаешь, дорогою трудной
Долго скитаться тебѣ; много, много
Встрѣтится горя, тревогъ и тоски безразсудной....
Будь непреклоненъ въ борьбѣ непощадной и строгой.

Видишь-ли, черная туча по небу несется?
Путникъ, послушай, вѣдь завтра, или нынѣ,
Черная туча отраднымъ дождемъ разольется —
Легче вздохнешь ты подъ небомъ палящей пустыни....

А. Пальмъ.

1844.

ИЗЪ БАРЬЕ.

Какъ больно видѣть повсюду свою горестъ,
Читать всегда, читать одну и ту же повѣсть,
Глядѣть на небеса и видѣть тучи въ нихъ,
Морщины замѣчать на лицахъ молодыхъ.
Блаженъ, кому дано на часть другое чувство,
Кто съ лучшей стороны взираетъ на искусство!
Увы, я знаю самъ, что еслибъ на пути
Я музу свѣтлую случайно могъ найдти —
Дитя, въ шестнадцать лѣтъ, съ кудрями золотыми,
Съ очами влажными и ярко голубыми:
Тогда-бы, можетъ быть, дыханіе ее
Разсѣяло въ душѣ страданіе мое;
Тогда-бы я любилъ цвѣтушія долины,
Кудрявые лѣса, высокихъ горъ вершины;
Тогда-бы кажется, живая пѣснь моя,
Была свѣтла какъ день, игрива какъ струя.
Но каждому своя назначена дорога,
Различные дары пріемлемъ мы отъ Бога:
Одинъ несетъ цвѣты, другой несетъ ярмо,
На всякомъ существѣ лежитъ свое клеймо.
Покорность нашъ удѣлъ. Неволей, или волей,

Должны мы слѣдовать за тайной нашей долей ,
Должны , склонясь въ прахъ , покорствовать во всемъ ,
Чего преодолѣть не станетъ силъ ни въ комъ .
Отъ дѣтства мой удѣлъ былъ горекъ . Въ вихрь свѣта ,
Я словно врачъ хожу по койкамъ лазарета ;
Снимая съ раненыхъ покровы ихъ долой ,
Чтобъ язвы гнойныя ощупывать рукой

С. Д.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Нежданно настаетъ день горькій для поэта ,
Когда онъ чувствуетъ , что опытность и лѣта ,
Тяжелымъ бременемъ лежатъ уже на немъ . —
Проснувшись по утру , онъ думаетъ о томъ :
Гдѣ вы , весны моей мгновенья золотыя —
Васъ нѣтъ ! Вы пронеслись какъ призраки ночные ,
И я , какъ , невзначай , окраденный скупецъ ,
Гляжу съ отчаяньемъ на жизненный ларецъ ! —
И точно — онъ въ душѣ горюетъ по неволѣ ,
Блѣднѣя каждый день какъ цвѣтъ осенній въ полѣ . —
Когда же видитъ онъ , что путь его , порой ,
Нежданно окропленъ живительной струей ,
Онъ , плача , говоритъ , припомнивъ дни былые :
— Нѣтъ , это не роса — а капли дождевыя ! —
Отнынѣ , можетъ-быть , испытанный во всемъ ,
Скорѣ истину постигнетъ онъ умомъ ;
Проникнетъ въ глубину таинственного легче ,
Обниметъ всё скорѣй , обдумаетъ всё крѣпче ,
Разсудку подчинитъ свободу мечту —
Разгонитъ дымъ густой , разсѣетъ темноту :
Но въ немъ погибъ на вѣкъ тотъ огонь животворящей ,
Который данъ ему былъ въ юности блестящей —

И тщетно-бъ онъ хотѣлъ въ созданія свои,
Богатыя умомъ и пламенемъ любви,
Излить ту легкую и дѣвственную сладость,
Которую даетъ созданьямъ — только младость!
И этого ему ничто не возвратить!...
Одинъ-ли, у себя, въ раздумьи, онъ сидитъ,
И полный сновъ живыхъ и сладкаго призванья,
Обдумываетъ планъ любимаго созданья;
Идетъ-ли, утомясь, бродитъ въ зеленый лѣсъ,
Захочешь-ли дышать прохладою небесъ, —
Иль увлекаемый во слѣдъ толпы свободной,
Безъ цѣли ходитъ онъ по площади народной —
Увы, во всемъ почти, всегда почти, вездѣ,
За книгою своею, въ прогулкѣ и трудѣ,
Невольно сердце въ немъ той мыслию томимо,
Что молодость его прошла невозвратно!

С. А.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Il n'avait pas vingt ans. Il avait abusé.

Онъ юношескихъ лѣтъ еще не пережилъ,
Но жизни нещады, не размѣряя силъ,
Онъ наслаждался всѣмъ, не во время, чрезъ мѣру,
И рано, наконецъ, вовсе утратилъ вѣру.
Бывало, если онъ по улицѣ идетъ,
На тѣнь его одну, выходитъ изъ воротъ
Станица буйная безправственныхъ вакханокъ,
Чтобъ обольстить его нахальностью примапокъ —
И онъ на лонѣ ихъ, сокъ юности точа,
Ослабѣвалъ душой и таялъ какъ свѣча.
Его и день и ночь преслѣдовала скука:
Не рѣдко въ оперѣ Моцарта, или Глюка,

Онъ, опершись рукой, безсмысленно зѣвалъ.
Онъ головы своей въ тотъ ключъ не погружалъ,
Откуда черпалъ намъ Шекспиръ живыя волны.
Всѣ радости ему казались не полны:
Онъ жизни не умѣлъ раскрашивать мечтой.
Желаній не было въ груди его большой —
А умъ, насмѣшливый и несогрѣтый чувствомъ,
Смѣялся дерзости надъ доблестнымъ искусствомъ
И всё великое съ презрѣньемъ разрушалъ:
Онъ покупалъ любовь, а совѣсть продавалъ.
Природа — ясный сводъ, тѣнистые овраги,
Шумящіе лѣса, струи лазурной влаги —
И всё, что тѣшитъ насъ и радуетъ въ тиши,
Не трогало его бездѣйственной души.
Въ немъ сердца не было: любилъ онъ равнодушно:
Быть съ матерью вдвоемъ ему казалось скучно.
Не занятый ничемъ, испытанный во всемъ,
Заранѣ онъ скучалъ своимъ грядущимъ днемъ.
Вотъ — разъ, придя домой, больной и безпокойный,
Тревожный въ душѣ своею грустью знойной,
Онъ сѣлъ облокотясь, съ раздумьемъ на челѣ,
Взялъ тихо пистолетъ, лежавшій на столѣ,
Коснулся до замка.... огонь блеснулъ изъ полки....
И черепъ какъ стекло разсыпался въ осколки.
О юноша, ты былъ ничтоженъ, глупъ и золъ,
Не жалко намъ тебя. Ты участь пріобрѣлъ
Достойную себя. Никто, никто на свѣтѣ,
Не вспомнитъ, не вздохнетъ о жалкомъ пустоцвѣтѣ.
Но если плачемъ мы, то жаль намъ мать твою,
У сердца своего вскормившую змѣю,
Которая тебя любила всею сплою,
А ты за колыбель ей заплатилъ могилой.
Не жалко намъ тебя — о нѣтъ! но жаль намъ ту,
Какъ ангелъ чистую, бѣдняжку - спроту,
Къ которой ты пришелъ, сжигаемый развратомъ,
И соблазнилъ ее приманками и златомъ.
Она повѣрила. Склонясь къ твоей груди,
Ей снилось счастье и радость впереди —

Но вотъ, теперь оно — увы! упало съ неба:
Безъ крова, безъ родства, нуждаясь въ крошкахъ хлѣба,
Съ отчаяньемъ глядя на пагубную связь —
Она — букетъ цвѣтовъ, съ окна столкнутыхъ въ грязь!
Нѣтъ, нѣтъ — не будемъ мы жалѣть о легкой тѣни:
Негодной цыфрою ты былъ для изчисленій;
Но жаль намъ твоего достойнаго отца,
Непобѣдимаго въ сраженіяхъ бойца.
Встревожа тѣнь его своей преступной тѣнью,
Ты имя славное его обрекъ презрѣнью.
Не жалко намъ тебя, но жаль твоихъ друзей,
Жаль стараго слугу, и жалко тѣхъ людей,
Чью участь злобный рокъ сковалъ съ твоей судьбою,
Кто долженъ былъ идти съ тобою одной стезею.
Жаль пса, лизавшаго слѣды преступныхъ ногъ,
Который за любовь любви найдти не могъ.
А ты, презрѣнный червь, а ты, бѣднякъ богатый,
Довольствуйся своей заслуженною платой.
Слагая жизнь съ себя, ты думалъ, можетъ-быть,
Своею смертію кого-нибудь смутить —
Но нѣтъ! на пиршествѣ свѣтильникъ не потухнулъ,
Безъ всякаго слѣда ты камнемъ въ бездну рухнулъ.
Нашъ вѣкъ пмѣетъ мысль — и онъ стремится къ ней,
Какъ къ цѣли истинной. Ты смертію своей
Не уничтожилъ чувствъ намъ свыше вдохновенныхъ,
Не совратилъ толпы съ путей опредѣленныхъ:
Ты палъ — и объ тебѣ не думаютъ теперь,
Безъ шума за тобою судьба закрыла дверь.
Ты палъ — но что намелъ, свершивши преступленье?
Разпутный — ранній гробъ, а суетный — забвенье.
Конечно, эта смерть для общества чужда:
Онъ свѣту не принесъ ни пользы, ни вреда —
И мы безъ горести, безъ страха и волненія,
Глядимъ на падшаго, достойнаго паденья.
Но если, иногда, подумаешь о томъ,
Что жизнь слабѣетъ въ насъ замѣтно съ каждымъ днемъ,
Когда встрѣчаемъ мы, что юноша живой,
Какой-нибудь Робертъ, съ талантомъ и душой,

Едва поспѣявшій великой жатвы сѣмя ,
Слагаетъ жизнь съ себя какъ тягостное бремя ;
Когда историкъ Раббъ, точка на раны ядъ ,
Съ улыбкой навсегда смѣжаетъ тусклый взглядъ ;
Когда ученый Гросъ, почти уже отжившій ,
До корня общество и правы изучившій ,
Какъ лапъ, испуганный внезапнымъ лаемъ псовъ ,
Кидается въ рѣку отъ зависти враговъ ;
Когда тлетворный вихрь открытаго злодѣйства ,
Отъекаетъ каждый день сочленовъ у семейства :
У сына мать его, у дочери отца ,
У плачущихъ сестеръ ихъ брата—первенца ;
Когда старикъ сѣдой, цѣнившій жизни сладость ,
Насильной смертію свою позоритъ старость ;
Когда мы, наконецъ, посмотримъ на дѣтей ,
Созрѣвшихъ до поры за книгою своею ,
Мечтавшихъ о любви, свободѣ и искусствахъ , —
И послѣ ошибаясь въ своихъ заветныхъ чувствахъ ,
И къ истинѣ ногой упавъ лицомъ къ лицу ,
На смерть стремящихся какъ къ брачному вѣнцу , —
Тогда — невольно въ грудь сомнѣнье проникаетъ :
Смиренный — молится, а мудрый — размышляетъ :
Не слишкомъ скоро-ли впередъ шагнули мы?
Куда влечетъ насъ вѣкъ? къ чему ведутъ умы?
Какія движутъ насъ сокрытыя пружины ?
Чѣмъ излечится намъ? И гдѣ всему причины? —
Быть-можетъ, что въ душѣ, безвременно, у насъ
Высокой истины святой огонь погасъ ,
Что слишкомъ на себя надѣемся мы много ,

.
.
.
.
.

Не время-ль пожалѣть о тѣхъ счастливыхъ дняхъ ,
Когда мы видѣли учителей въ отцахъ
И набожно несли свое ярмо земное ,
Разкрывъ передъ собой Евангеліе святое !

Для ока смертнаго — таинственная тьма !
Неразрѣшимые вопросы для ума ! —
Какъ часто, иногда, отъ нихъ, во время ночи,
Поэтъ не можетъ свести задумчивыя очи,
И предапный мечтамъ и мыслямъ роковымъ,
Одинъ — блуждаетъ онъ по улицамъ пустымъ,
Встрѣчая, нзрѣдка, кой-гдѣ, у переходовъ,
Вернувшихся домой, съ прогулки, пѣшиходовъ.

С. Д.